

УГОЛОВНАЯ ССЫЛКА ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX ВЕКА: ЧИСЛЕННОСТЬ, СТРУКТУРА, ЗАНЯТОСТЬ

Посвящена изучению основных проблем истории уголовной ссылки в Прибайкалье в XIX в., среди которых центральное место отведено определению численности, внутренней структуры, географии размещения ссыльных, а также экономической целесообразности этой меры наказания. На основании архивных материалов, большая часть которых ранее не вводилась в научный оборот, делается вывод о том, что по числу ссыльных Иркутская губерния являлась одним из самых перенасыщенных регионов Сибири, однако роль «штрафного» контингента в экономике была неадекватной его численности. В сельском хозяйстве ссыльные не сумели оставить заметного следа; более существенное значение имел их труд в развитии горнодобывающей и перерабатывающей промышленности, однако и здесь из-за незаинтересованности центральных и местных властей в эффективном применении дешевой рабочей силы использовался далеко не в полную силу, что свидетельствовало о системном кризисе государства в целом.

Ключевые слова: история уголовной ссылки; государственная политика; численность; состав и размещение ссыльных; труд арестантов; экономическое развитие; горнодобывающая промышленность; губернская администрация; Иркутская губерния.

A.A. Ivanov

*Doctor habil. of Historical Sciences,
Irkutsk State University*

EXILED CRIMINALS IN IRKUTSK GOVERNORATE IN THE XIX CENTURY: NUMBER, STRUCTURE OF THE SYSTEM, EMPLOYMENT

The article studies key problems of the history of exile of criminals to Baikal territory in the XIX century, with special attention given to its structure, the number of the exiled, geography of their deployment, and economic viability of this kind of punishment. Having studied the archive documents, many of which have not been referred to by researchers before, the author draws a conclusion that although Irkutsk governorate was one of Siberian regions that were overpopulated with the exiled, the role of «penal» workforce in local economy was inadequate to their large number. Their work efficiency in agriculture was low, if compared to that in mining and processing industry, but in these sectors their labour potential was not used to the full, as the central and local authorities were not interested in efficient application of cheap workforce, which was a sign of the crisis of the whole government system.

Keywords: history of exile of criminals; government policy; number; categories and deployment of the exiled; convicts' labour; economic development; mining industry; governorate's authorities; Irkutsk governorate.

Как уже было сказано в предыдущей публикации автора, ссылка в заселении и освоении территории Прибайкалья XVII–XVIII вв. сыграла заметную позитивную роль [7]. «Опальные люди» были среди землепроходцев и первых

горожан, несли государеву службу и выращивали хлеб, заселяли земли вокруг Иркутского острога и продвигались дальше за Байкал.

В начале XIX в. удельный вес ссыльных и ссыльнопоселенцев в составе русского населения Сибири возрос с 4,1 % в 1795 г. до 10,5 % в 1833 г. По девятой ревизии 1850 г. в Сибири насчитывалось 104 300 ссыльнопоселенцев. Русское население Сибири, таким образом, увеличивалось быстрее, чем население империи в целом [10, с. 267–268].

Увеличение масштабов ссылки быстро выявило ее узкие места, главным из которых было отсутствие системы этого вида наказания как на государственном, так и местном уровнях. Поэтому в 1822 г. и был принят «Устав о ссыльных», в котором составители постарались учесть и разрешить большинство проблем. Ссылка была разделена на группы и категории, определялись виды, ее продолжительность, льготы, права и обязанности осужденных. Одним из главных условий наказания стало требование обязательного труда: ссыльных первого разряда направляли на заводы, второго — в дорожные работники; третьего — в ремесленные рабочие и т. д.

Казалось бы, стройная правовая система тут же разбилась о реальную действительность. Дело в том, что уставы составлялись в расчете на 2–3 тыс. сибирских ссыльных в год, однако потребности страны в изоляции преступников были гораздо выше. Например, если в 1812–1821 гг. за Камень было отправлено 39 761 чел., то в следующем десятилетии — 91 709 чел., а в 1832–1841 гг. — еще 78 823 чел. Всего же с 1807 по 1881 г. Сибирь приняла 635 319 ссыльных [13, с. 30].

Такое количество наказанных поселением или каторжными работами намного превышало число потенциальных рабочих мест. Этих людей нечем было занять, им не хватало не только «тяжких», как того требовал Устав, но даже сезонных работ. В конечном счете, они опять же, исправно пополняли ряды сибирских бродяг.

Наряду с законодательным решением «ссыльных» проблем, государство в начале XIX в. предпринимает и дорогостоящие попытки «точного» расселения ссыльных. Так, в 1799 г. было решено заселить ссыльными южную часть Восточной Сибири, прилегающую к китайским границам, между Байкалом, Ангарой, Нерчинском и Кяхтой, с предоставлением различных выгод желающим здесь укорениться. На поселение планировали отправлять людей здоровых и сильных, не старше 45 лет. Предписано было также построить от казны дома, сделать запасы зерна на 1,5 года, приготовить земледельческие орудия, скот. Кроме того, поселенцы освобождались на десять лет от податей [12, с. 468].

Несмотря на столь детальную проработку указа на высшем уровне, заселение оказалось практически проваленным местными властями. Так, в 1801 г. в Иркутск поступило около полутора тысяч «государственных поселенцев», однако селить их было некуда. Правительство вынуждено было остановить бывшие в пути партии уже в Енисейской губернии, а за Байкал в конечном итоге отправились чуть более 600 чел.¹ Уже в январе следующего года правительство вынуждено было остановить дальнейшее водворение [2, с. 48].

По предложению сенатора И. О. Селифонтова было решено партии ссыльных, которые достигли Тобольской и Енисейской губерний, не поворачивать назад, а отправить ближе к Иркутску и расселить в Нижнеудинском округе. В 1806 г. здесь уже было сосредоточено около 3 тыс. чел. Только за 1807–1817 гг. здесь было построено 936 жилых домов, 29 магазинов, 19 кузниц, 11 мельниц. На 1 июня 1812 г. поселенцы владели домашним скотом в

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 1. Л. 27.

7683 головы. Всего, по данным В. В. Воробьева, в этот период в Байкальском регионе существовало на менее 62 поселков, в том числе: в Нерчинском уезде — 34, в Верхнеудинском — 7, в Иркутском — три, Нижнеудинском — 18. К 1819 г. в них считались водворенными 10100 чел., в наличии же было меньше — 7600 поселенцев [3, с. 75].

Несмотря на кажущийся порядок, нижеудинские ссыльные приживались на новом месте плохо, побеги отсюда были массовым явлением. Тогда прибегли к чрезвычайным мерам, сводившимся к крайней строгости, даже жестокости, в чем особенно прославился знаменитый исправник Лоскутов. Им была устроена подлинно палочная дисциплина, однако в 1819 г. он был смещен М. М. Сперанским, а штрафные поселенцы, почувствовав ослабление ненавистного порядка, большей частью разбежались.

Несмотря на отсутствие планомерной организации в деле расселения ссыльных, их численность в регионе все же неуклонно возрастала. Так, в 1812 г. иркутский гражданский губернатор Н. И. Трескин в отчете об управлении краем писал, что за пять лет с 1806 по 1812 г. «...в Нерчинском округе, по дороге вокруг Байкала и по тракту до границы Томской губернии водворено 9716 душ» [11, с. 370].

К середине XIX в. Иркутская губерния становится одним из главных ссыльных мест империи. В 1823–1854 гг. сюда ежегодно поступало почти по 1800 ссыльных всех категорий, а в целом за 32 года было сослано 57 435 чел. Абсолютное большинство пришедших в ссылку — мужчины. Доля женщин была ничтожно мала и составляла чуть более 8 %¹.

Постоянный ежегодный приток ссыльных в Иркутскую губернию привел к значительному увеличению их общей численности: если в 1823 г. в пределах губернии размещалось около 18 тыс. ссыльных, то, по данным статистической ведомости ГУВС, в 1859 г. здесь было 32400 ссыльнопоселенцев (в том числе живущих между старожилами около 21 тыс., в неспособных — более 4 тыс., в водворяемых рабочих — около 4200 тыс., на водворении — около 1600, в цехе слуг — чуть больше 100 чел.) и 3094 ссыlnокаторжных, а всего — 35 494 души обоего пола².

Отмена крепостного права повлекла некоторое снижение численности ссыльных в губернии, однако затем, с 1870-х гг., их количество неизменно росло, стабильно увеличиваясь вплоть до конца XIX в. Так, если в 1860 г. Иркутская губерния «располагала» 40 535 ссыльными всех категорий, то в 1861 г. их число уменьшилось до 35 155 чел., но уже в 1866 г. начался рост до 38 752 чел., затем 1871 г. дал 39 629 ссыльных, а 1889 г. — 60 339 чел. В 1897 г. зафиксировано наивысшее количество ссыльных — 71 800 чел. Таким образом, количество уголовных ссыльных в Иркутской губернии с 1823 по 1897 гг. увеличилось в 4 раза³.

Определим географию размещения ссыльных на территории губернии, сделав это на примере статистических сведений за 1866 г. Контингент ссыльных состоял из каторжных — 2922 чел., ссыльнопоселенцев — 29 678 чел. и водворенных рабочих — 6152 чел., а всего 38 752 ссыльных. Самое большое количество поселенцев располагалось в Иркутском округе — почти 16 тыс. Затем следовал Балаганский округ — более 8 тыс. чел., Нижнеудинский — около 7 тыс. чел., Верхоленский — 3200 чел. и Киренский — менее 1 тыс. чел.

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 1. Л. 379.

² Там же. Оп. Оц. Д. 37. Л. 65.

³ Обзор Иркутской губернии за 1886 год. Иркутск, 1887. С. 25; Обзор Иркутской губернии за 1889 год. Иркутск, 1890. С. 34.

В городах размещалось незначительное число ссыльных: в Нижнеудинске — 285 чел., Верхоленске — 132 чел., Киренске — 120 чел., Балаганске — 23 чел. Самое большое число ссыльных — 3003 чел. — обосновалось в Иркутске, при этом 2627 чел. числились поселенцами, 376 чел. — водворяемыми рабочими. Среди иркутских городских ссыльных нужно отметить большую долю женщин — почти 38 %, что несвойственно для ссылки в целом¹.

К концу XIX в. внутренняя структура и размещение ссылки в губернии несколько изменились. Наибольшее их количество размещалось в Балаганском округе — почти 19 500 чел., более 9 тыс. чел. населяли Киренский, затем по численности шел Иркутский — 8800 чел., за ним — Нижнеудинский — 8412 чел. Из «городских» ссыльных по-прежнему больше всех проживало в Иркутске — 281 чел., Киренске — 90 чел., Верхоленске — 83 чел. Всего же в пределах губернии насчитывалось 60 339 ссыльных всех категорий за 1889 г.²

Распределение ссыльных внутри губернии определялось не только удаленностью от центра и труднодоступностью местности. Многое зависело от категории ссыльного, его пола и возраста. Так, Иркутское губернское правление с 1895 г. назначало в Иркутский уезд, в первую очередь, женщин, а также преступников, осужденных за незначительные преступления. Остальные преступники шли в Нижнеудинский уезд. Бродяги водворялись в Балаганском, разбойники и грабители направлялись в Киренский; евреи распределялись в волости по Ангаре [16, с. 115].

В конце XIX в. часть регионов Сибири была закрыта для новых ссыльных, однако Иркутская губерния не попадала под это правило, и количество ссыльных здесь только увеличивалось. По данным Главного тюремного управления, в 1898 г. ссыльных в губернии было 71 800 чел. или 14,2 % всего населения (каждый седьмой житель губернии) — самый высокий показатель по Сибири (для сравнения: в Тобольской губернии — 7,4 %, Томской — 6,4 %, Енисейской — 9,1 %, Забайкальской области — 2,2 %) [8, с. 172, 174].

Однако и эти внушительные цифры не отражают реального количества ссыльных: в действительности, если учесть потомство прежних поколенцев, десятилетиями наполнявших села и деревни вокруг Байкала, а также отбывших свой срок и перешедших в крестьянское сословие, представление о доле уголовных ссыльных среди жителей региона будет более правдоподобным и выразится в более высоких цифрах.

Каков вклад уголовной ссылки в экономическое и социальное развитие Иркутской губернии XIX в.? Чтобы ответить на этот вопрос, следует говорить не о ссылке в целом, а учитывать, прежде всего, ее видовые различия (каторжные, поселенцы, сосланные на жительство, водворяемые рабочие), географию размещения (содержание ссыльного или арестанта в Балаганском и Киренском округах, к примеру, имело свои отличия), отрасль производства (добывающая, местная, сельское хозяйство), период (до или после 1861 г.). Сначала рассмотрим условия приживаемости ссыльнопоселенцев, размещавшихся среди старожильского населения, т. е. «на земле» в 1880–1890 гг.

Ссыльные поступали в Сибирь только с этапом. Путь от Москвы до Иркутска или Нерчинска занимал несколько месяцев и был разбит на этапы и полуэтапы, в которых партии останавливались на «роздых». На территории губернии в 1877 г., к примеру, действовало 28 этапов и полуэтапов: Алзатайский, Камышетский, Уковский, Нижнеудинский, Кургатайский, Худоелан-

¹ Статистические сведения по Иркутской губернии за 1866 год. Иркутск, 1868. Вып. 2. Табл. 1.

² Обзор Иркутской губернии за 1889 год. Иркутск, 1890. С. 33–34.

ский, Шербатинский, Курзанский, Тулуновский, Шерагульский, Тулинский, Куйтунский, Ливинский, Кимельтейский, Зиминский, Тиретский, Заларинский, Кутуликский, Черемховский, Половинный, Мальтинский, Тельминский, Суховской, Иркутский, Патроновский, Тальцинский, Лиственный. Каждую этапную команду возглавлял обер-офицер, ефрейторы и рядовые — всего 686 служащих, в том числе 3 фельдшера. Конвойная команда препровождала партию до соседнего этапа, где сдавала арестантов начальнику во время дневки, принимая от него ссыльных, пересылаемых в обратном направлении. Каждому арестанту на время этапного пути выдавалось «кормовое довольствие» в размере 10–15 к. в сутки¹.

Внутри губернии ссыльные в сопровождении конвойной стражи поступали в распоряжение уездных или окружных полицейских управлений. Затем их отправляли в правления тех волостей, где они подлежали причислению. По прибытии в волость, их вносили в списки, а затем волостное правление распределяло по селениям. Со дня прибытия в волостное правление выдача кормовых денег прекращалась. После проверки численности и документов прибывших, партия разбивалась волостным писарем на мелкие части, которые в сопровождении сотских из крестьян должны были отправляться по деревням для водворения. На деле, на место водворения отправлялись практически только семейные, для кого труд на земле был привычным и не тягостным. Одинокие же, а таких было 90–95 %, меняли или продавали крестьянам казенную одежду и шли кто куда. Многие продолжали оставаться в этих же уездных центрах, сбивались в шайки, жили подаянием, а чаще скрытым разбоем и воровством.

Положение большинства прибывших ссыльных было удручающим. Не имея денежных средств, не ориентируясь в местных условиях, привыкнув к казенному пайку, они оставались в селах, по существу брошенными на произвол судьбы, и практически целиком зависели от «доброты» крестьянина-старожила. Имевшие намерение заняться хлебопашеством, обращались к сельскому старосте с просьбой отвести им землю. На основании постановления Совета ГУВС, ссыльным в губернии полагалось 15 десятин на душу, однако получить их было крайне сложно, так как в Иркутской губернии (в отличие, например, от Забайкалья) в распоряжении у общины пашни обыкновенно не было, а вся она находилась в пользовании отдельных лиц — самовольных захватчиков и потомков захватчиков участков. Кто же отдаст «свое» какому-то ссыльному?

Известны многочисленные примеры притеснения ссыльных. Так, в Зиме ссыльным вообще не давали пахотной земли. В Каменке Идинской волости иногда давали поселенцам землю, но только за натуральные повинности. В Бельском поселенцам предоставляли право расчисток, но при этом хороших мест не давали. В Олонках, Качуге и Пономареве отводы давались только обзаведшимся домом. В деревне Укской ссыльные жаловались на то, что несмотря на общее правило пахать брошенную залежь через три года, ссыльным не давали такой возможности и через 15 лет: «Попробуй вспахать, так, пожалуй, убьют». В Позднякове Хомутовской волости, ссыльный, не состоявший в крестьянском окладе, не имел права купить даже усадьбное место [16, с. 184, 185].

Кроме затруднений в получении земли, ссыльным было сложно завести свое хозяйство и из-за недостатка или полного отсутствия материальных средств. Деньги с собой в ссылку привозили очень немногие, пособий же, положенных при водворении, у местных властей не было. Были редким явлением и браки ссыльных с местными сибирячками, хотя закон всячески поощрял эту

¹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 49. Л. 43.

практику. Так, женщина «свободного состояния», выходя замуж за ссыльно-поселенца в Иркутской губернии или Забайкалье, получала денежную помощь в 57 р. 14 ½ к. Такое пособие было самым большим в Сибири: к примеру, в Енисейской губернии выплачивали 28 р. 57 ¼ к. Однако, если учесть стоимость сельскохозяйственных орудий, станет понятным, что такое «вспомоществование» не могло решить проблем с обзаведением своим хозяйством¹.

Среди ссыльных губернии безземелье было обычным явлением. На 100 частных хозяйств ссыльных приходилось: не имевших пашни — 82,6 %, арендовавших пашню — 25 %, не получавших душевых покосов — 88 %, не имеющих своей усадьбы — 47,9 %. Те немногие, кто сумел завести земледельческое хозяйство, вели его далеко не в таких размерах, как старожилы — в среднем запахивали не более трех десятин земли. Такая же ситуация наблюдалась и в животноводстве: 65,5 % ссыльных вели хозяйство без крупного скота, 70 % не имели рабочих лошадей [16, с. 222–224].

После окончания трехлетней льготы, ссыльные обязаны были платить подати и нести повинности. В губернии причисленные к волостям платили: по половинному окладу — в оброчную подать 1 р. 37 ½ к. и в экономический поселенческий капитал 15 к.; по полному окладу — в оброчную подать 2 р. 74 к., губернскую земскую повинность от 44 к. до 1 р. 94 к. и в поселенческий капитал — 15 к. Кроме того с ссыльнопоселенцев взыскивались: подушная подать — 45 к. по половинному окладу и 1 р. 15 к. по полному, а также частная повинность (только по полному окладу) от 3 к. до 1 р. 25 к. в год. В сумме сборов и податей у ссыльнопоселенцев было больше, чем у казаков и инородцев и несколько больше в сравнении с крестьянами-старожилами [5, с. 139].

Положение ссыльных в городах было иным. Здесь они поступали под надзор городской полиции, устраивались в основном сторожами, грузчиками, нанимались в качестве чернорабочих. Ссыльные из мещанского сословия устраивались лучше. Как правило, они знали грамоту, их охотно нанимали торговцы и предприниматели. Такой работник «стоил» недорого, а работал гораздо лучше сибиряка. Наибольшее количество «городских» ссыльных располагалось в Иркутске. Только по официальным сведениям в городе в 1866 г. было более 3 тыс. поселенцев и водворенных рабочих (2627 и 367)²; по данным Д. Д. Ларионова, например, во время пожара 22 июня 1879 г. в Иркутске насчитывалось около 2900 ссыльных с семьями, что, по его же подсчетам, составляло 8,4 % всего населения города [4, с. 85].

Самым распространенным видом найма для ссыльных, не прижившихся «на земле», со второй половины XIX в. стали прииски. Добыча золота в Витимско-Олекминском районе началась в 1844 г., и уже накануне Великих реформ ссыльные составляли большинство приисковых рабочих. После 1861 г. доля труда поселенцев на приисках сократилась, однако к концу века оставалась еще довольно высокой. Например, в операцию 1891–1892 гг. ссыльные на приисках Ленского товарищества составляли 39,2 % от вольнонаемных рабочих³. В 1895 г. ссыльных было более 4 тыс., что составляло 26,1 % от общего количества занятых. В 1896 г. их доля возросла до 31,5 % и достигла 5258 чел. С принятием закона об отмене уголовной ссылки и ссылки по приговорам крестьянских обществ от 12 июня 1900 г., число поселенцев на приисках резко снизилось: 1901 г. принес уже 20,6 %, а к 1906–1908 гг. их численность упала до 3,4 % [19, с. 103].

¹ Устав о ссыльных. Т. XIV // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Ст. 766.

² Статистические сведения по Иркутской губернии за 1866 год. Вып. 2. Табл. 1.

³ РГИА. Ф. 1418. Оп. 1914. Д. 53. Л. 1.

Большинство уголовных ссыльных уходили на прииски из года в год. Уже в 70-е гг. XIX в. на приисках Витимско-Олекминской системы можно было встретить ссыльных, нанимавшихся в течение 15 и более лет. По справедливому выводу В. П. Зиновьева, «...лишенные собственности, не привязанные ничем, кроме приписки к определенному месту жительства, ссыльнопоселенцы представляли почти идеальный материал для формирования профессиональных работников» в золотопромышленности [6, с. 75].

Прилежный рабочий за несколько лет мог заработать здесь сумму, вполне достаточную для обзаведения хозяйством. Однако такие ссыльные встречались крайне редко. Вот как описывает быт ссыльных Олекминский горный исправник в 1874 г.: «Находясь в местах причислений в самом жалком положении, частью по лености, дурным наклонностям, пьянству, эти парии при появлении приискового доверенного с радостью “рукоприкладствуют” к промысловым контрактам, торопясь получить задаток деньгами и одеждой (обыкновенно, не менее 50 р.) и, таким образом, после продолжительной голодовки, они сразу становятся сытыми и одетыми; но это благоденствие продолжается недолго — много два-три дня; затем все полученное в задаток поголовно пропивается» [17, с. 291].

Труд каторжан получил широкое распространение на добывающих и перерабатывающих предприятиях Иркутской губернии. Весь производственный процесс Иркутского и Усть-Кутского солеваренных промыслов, Николаевского железодельного и Александровского винокуренного заводов, как и в XVIII в., строился на использовании уголовных. По данным В. Н. Юферова, в 1872 г. на четырех перечисленных предприятиях было занято не менее 2117 ссыльнокаторжных¹.

После отмены крепостного права на предприятиях Сибири шел процесс сокращения каторжного труда, однако его доля оставалась традиционно высокой. Так, в 1880 г. из 1574 рабочих частных металлургических заводов Восточной Сибири, выходцев из крестьян было 651 чел., а из ссыльных и каторжников — 744 чел. В 1885 г. из 728 рабочих солеваренных заводов края в прошлом были: крестьянами — 254 чел., ссыльными — 399 чел. [15, с. 111]. «Материальный и нравственный быт этих ссыльных довольно удовлетворительный, потому что труд их оплачивается почти наравне с трудом вольнонаемных рабочих», — читаем в отчете Иркутского губернатора за 1875². Можно утверждать, что именно уголовные стали основным источником формирования промышленного пролетариата региона.

Помимо золотодобывающих приисков и предприятий перерабатывающей отрасли, труд ссыльных широко применялся на строительстве железной дороги. Так, в 1895 г. на Средне-Сибирском участке трудилось около 2 тыс. ссыльнокаторжан и арестантов, а также более 500 поселенцев [15, с. 194]. В 1896 г. в пределах губернии на железнодорожных работах состояло уже 7150 ссыльных, в 1897 г. — 14 369 чел. и в 1898 г. — 6879 чел., а всего с 1894 по 1898 г. на постройке дороги работало более 32 тыс. ссыльных [16, с. 256].

Ссыльнокаторжные работали и на сооружении Кругобайкальской дороги. По свидетельству начальника ГТУ П. К. Грана, бывшего здесь летом 1913 г. с инспекторской поездкой, на сооружении вторых путей были заняты четыре команды арестантов в количестве 922 чел. и команда ссыльнопоселенцев. Работы велись в 1911–1912 гг. на участке от станции Байкал до 74-й версты

¹ Материалы для тюремной статистики России [Сообщены действительным членом императорского Русского географического общества В. Н. Юферовым]. СПб., 1873. С. 25.

² ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 632. Л. 11.

и в 1913–1915 гг. от Мурино до Выдрино. Труд арестантов использовался на неквалифицированных и низкооплачиваемых работах, в основном земляных, а также в тоннелях и на возведении каменных мостов [9, с. 29].

Строительство казенных и частных предприятий, городской жилищной инфраструктуры также велось ссылными. Еще в 1801 г. Иркутское губернское правление сообщало Сенату, что «...все казенные работы в его ведомстве как, например, устройство дорог, постройка каменного тюремного замка и казарм и прочего производятся ссылными, число коих, однако, далеко недостаточно». Согласно подсчетам В. П. Зиновьева, на устройстве дорог в этот период было занято не менее 400 ссылнопоселенцев, на казенных верфях в 1801 г. использовалось 182 колодника [6, с. 23]. В 1862 г. Иркутский полицмейстер обратился к гражданскому губернатору с просьбой, ввиду предстоящих построек зданий, пострадавших от землетрясения, оставлять из проходящих через Иркутск арестантских партий ссыльных, знающих плотничное, каменное мастерство. Просьба была передана на заключение Иркутского губернского правления, где нашла полное понимание и поддержку¹.

Ссылные участвовали и в восстановлении Иркутска в 1879 г. Вот как об этом свидетельствует Ларионов: «...после пожара принимались все меры к очистке города от праздношатающегося люда и полиция, выписав из бланков переписи населения всех лиц, не предъявлявших видов и отмеченных с этой целью счетчиками при самой переписи, ссылнопоселенцев, — высылала из города целые партии. Но распоряжение это почти парализовалось другим распоряжением о вызове из округов в город рабочих (плотников, пильщиков), в лице которых являлись такие же скитальцы-ссылнопоселенцы» [4, с. 90].

И в XX в. строительная отрасль активно пополнялась ссылными и арестантами иркутского тюремного замка. Так, в 1902 г. в пределах губернии ссыльных среди строителей было 5250 чел. или 30 % общей численности строительных рабочих [15, с. 194].

Труд ссыльных был востребован и на рыбных промыслах. В 1873 г., к примеру, к генерал-губернатору обратились рыбопромышленники с просьбой, выделить на промыслы 235 ссыльных. «Учитывая, что рыба (омули) насущная потребность большей части населения Забайкальской области и Иркутской губернии, — указывал тот в циркулярном письме губернатору, — признаю необходимым удовлетворить ходатайство разрешением отпустить на Баргузинские и Ангарские промыслы требуемое количество уголовных преступников»².

Как видим, труд уголовных находил применение в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства. Однако далеко не все были интегрированы в экономическую жизнь региона. Немалая доля уголовных преступников, не стремясь к оседлой жизни, противилась и насильственному труду. Одни ссылные, приходя с этапом в волостное правление и получая вид на жительство, исчезали с ним неизвестно куда, пополняя ряды так называемых «безвестно отлучившихся»; другие — просто не доходили до места причисления (сопровожаемые из волости в село сотскими из крестьян, они скрывались при первой возможности); третьих крестьяне, не желавшие иметь ссыльных в составе своих общин, просто отпускали с пути.

«Бродячее» население губернии пополнялось и за счет каторжан. Несмотря на то, что их труд оплачивался в XIX в. практически наравне с трудом наемных рабочих, среди каторжников находилось немало людей, которые каждой весной, бежали с заводов. Только по официальным данным, в 1837 г. с Иркутс-

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 45. Л. 3, 3 об.

² Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.

кого солеваренного завода бежало 380 каторжан из 735 (51,7 %), а из Александровского винокуренного — 286 каторжан из 1112 (25,7 %)¹.

Бродяги были настоящим бедствием для населения, именно они повышали криминогенную ситуацию в губернии. Так, только по официальным сведениям, из 259 осужденных в 1861 г. преступников, 94 чел. принадлежали к ссыльнопоселенцам, 29 чел. — к каторжникам и 2 чел. — к бродягам, а всего 125 чел. или 48,3 %². Губерния к концу XIX в. стала местом, где совершалось наибольшее количество преступлений по сравнению с Сибирью и другими регионами Европейской России в целом. В частности, если в среднем по России к 1899 г. одно преступление приходилось на 438 чел., то в Иркутской губернии — на 30 жителей [18, с. 121].

Бродяжничество, преступность беглых — вот что становилось главным результатом ссылки XIX в., что хорошо иллюстрируют известные подсчеты Е. Н. Анучина: из 159 755 ссыльных, проследовавших через Тобольский приказ в 1827–1846 гг., 48 566 чел. были бродягами и 18 326 — беглыми ссыльными, пойманными и вторично отправленными в Сибирь, что в сумме составляло 42 % всех сибирских ссыльных [1, с. 17–23]. Бегство ссыльных стало по-настоящему «бытовым явлением». В Иркутской губернии, по свидетельству В. Птицына, вполне сложились даже два «великих пути» для беглых. Один — станция Жигаловская — отсюда бродяжий тракт в Россию шел сначала на Илгинскую волость, оттуда по реке Тыпте через хребет на Балаганск, из которого беглецы плыли на плотах вниз по Ангаре, затем сушей выбирались к Тулуну на Московский тракт и шли рядом с ним особыми бродяжими тропами. Второй путь — это село Усть-Кутское, в 612 верстах от Иркутска, откуда беглые ссыльные пробирались на Илимск, от него на село Братское и около селения Бирюсинского, выходили на большой тракт [14, с. 89].

Армию бродяг ежегодно пополняли и сезонные рабочие, в первую очередь, золотодобытчики. О масштабах этого явления свидетельствует отчет Иркутского генерал-губернатора за 1874 г.: «...закон предоставил поселенцу право отхода для заработков на золотые прииски, но раз вышедши на прииски, большинство их теряется из виду. В операцию 1873–1874 гг. уволено было из губернии на золотые прииски в Енисейскую губернию, Якутскую и Забайкальскую области 4026 чел., из них вернулось на место водворения 741 чел., осталось на приисках 1881 чел., остальные 1404 чел. или бежали, или после расчета, неизвестно куда делись. Это же объясняет и число содержащихся поселенцев и бродяг в трактовых тюрьмах»³.

Полиция ловила бродяг только в городах. Поиск беглых в округах был практически невозможен из-за небольшого количества местной полицейской стражи. Поимка беглых была слишком обременительна для сибирских властей, поэтому и цифра пойманных была невелика и составляла, например, согласно отчету иркутского губернатора за 1857 г., всего 1180 чел., в том числе 202 чел. в городах⁴. Реальное количество бродяг и беглых было огромным.

Можно сделать вывод о том, что особенностью социально-экономического развития губернии в XVII–XIX вв. являлось наличие здесь значительного числа ссыльных. Первоначально государство применяло ссылку в качестве штрафной колонизации края, определяя каторжников «в службу» или «на пашню». В XIX в. контингент ссылаемых изменился, стали отправлять и уго-

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 1. Л. 27.

² Там же. Оп. Оц. Д. 716. Л. 96 об.

³ Там же. Д. 632. Л. 1–3.

⁴ Там же. Д. 663. Л. 64.

ловных ссыльных, осужденных за воровство, тяжкие преступления, а также в большом количестве бродяг. С 1830-х гг. Иркутская губерния становится одним из главных мест ссылки уголовных преступников. С увеличением масштабов ссылки, предпринимались попытки выработать наиболее приемлемую форму ее организации. Если в начале XIX в. государство практиковало устройство локальных поселений, то с 1830-х гг. ссыльными заселяются ближайшие к Иркутску, уже обжитые территории. К концу века география ссылки изменилась: уголовников размещали на севере губернии, а также по-прежнему в центральных уездах.

Вклад ссыльных в экономическое развитие Иркутской губернии не был равноценным. Сосланные сюда крестьяне более легко приживались, быстрее налаживали хозяйство. Часть таких ссыльных пустила здесь прочные корни. Вместе с тем, количество поселенцев, получивших в регионе землю и устроивших на ней зажиточное хозяйство, было невелико. В отличие от сельского хозяйства, роль уголовной ссылки в развитии горной и местной промышленности была значительной. Именно каторжане стали основой для формирования кадров постоянных рабочих в золото- и соледобывающей промышленности, винокурении, строительстве путей сообщения.

Организация всего «ссыльного дела» во второй половине XIX в. — яркое проявление системного кризиса самодержавия, свидетельство неспособности государства своевременно и адекватно реагировать на потребности времени. Используя Сибирь как место удаления и изоляции преступников, царизм не стремился к организации здесь современной системы наказания и перевоспитания. Надзор за ссыльными, как и их трудоустройство, был неэффективным, места содержания преступников создавались без учета достижений пенитенциарной науки и практики.

Список использованной литературы

1. Анучин Е. Н. Материалы для уголовной статистики России: Исследования о проценте ссылаемых в Сибирь / Е. Н. Анучин. — Тобольск : Тоб. губ. стат. ком., 1866. — Ч. 1. — 235 с.
2. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников / П. Н. Буцинский. — Харьков : Тип. Губернского Правления, 1889. — 345 с.
3. Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы) / В. В. Воробьев. — Новосибирск : Наука, 1975. — 199 с.
4. Губернский город Иркутск: Пожары 22-го и 24-го июня 1879 г. / сост. Д. Д. Ларионов. — Иркутск : Тип. Н. Н. Сеницына, 1880. 110 р.
5. Западное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении / сост. Н. А. Крюков. — СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1896. — 140 с.
6. Зиновьев В. П. Индустриальные кадры старой Сибири / В. П. Зиновьев. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. — 258 с.
7. Иванов А. А. Уголовная ссылка и заселение Прибайкалья в XVII–XVIII вв. / А. А. Иванов // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал). — 2012. — № 6. — URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=16479>.
8. Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / под ред. В. А. Ламина. — Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2009. — Т. 3. — 784 с.
9. История пенитенциарной системы в Бурятии / под общ. ред. С. П. Суша ; сост. Л. В. Курас [и др.]. — Улан-Удэ : НоваПринт, 2006. — 158 с.
10. Кабузан В. М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX века / В. М. Кабузан, С. И. Троицкий // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). — М., 1973. — С. 261–277.
11. Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. / А. Д. Колесников. — Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — 440 с.

12. Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. / М. К. Любавский. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. — 688 с.
13. Марголис А. Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки / А. Д. Марголис. — М. : Латерна : Вита, 1995. — 208 с.
14. Птицын В. Тюрьмы Приленского края (Путевые наброски) / В. Птицын // Северный вестник. — 1889. — № 12. — С. 85–101.
15. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. — Новосибирск : Наука, 1982. — 470 с.
16. Саломон А. П. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения / А. П. Саломон. — СПб. : Тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1900. — 339 с.
17. Семевский В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах : историческое исследование. Т. 2 : Положение рабочих после 1870 г. / В. И. Семевский. — СПб. : Тип. Стасюлевича, 1898. — 913 с.
18. Сысоев А. А. Сибирское общество в контексте пенитенциарной политики Российского самодержавия / А. А. Сысоев // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. — Иркутск : Оттиск, 2009. — Вып. 5 (17). — С. 108–123.
19. Хроленок С. Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917) : историко-экономический очерк / С. Ф. Хроленок. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-т, 1990. — 310 с.

References

1. Anuchin E. N. *Materialy dlya ugovolnoy statistiki Rossii: Issledovaniya o protsente ssylaemykh v Sibir* [Data for Russia's criminal statistic: studies on the number of the exiled to Siberia]. Tobolsk, 1866. Pt. 1. 235 p.
2. Butsin'skiy P. N. *Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee nasel'nikov* [Settlement of Siberia and the life of the first settlers]. Kharkov, printing house of Governorate Administration, 1889. 345 p.
3. Vorobev V. V. *Formirovaniye naseleniya Vostochnoy Sibiri (geograficheskie osobennosti i problemy)* [Formation of East Siberia's population (geographical peculiarities and problems)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975. 199 p.
4. Larionov D. D. *Gubernskiy gorod Irkutsk: Pozhary 22-go i 24-go iyunya 1879 g.* [The governorate town of Irkutsk: Fires of June, 22 and 24, 1879]. Irkutsk, N.N.Sinitsin's printing house, 1880. 110 p.
5. Kryukov N. A. *Zapadnoye Zabaykale v selskokhozyaystvennom otnoshenii* [Western Transbaikalian territory in agricultural context]. Saint Petersburg, V.Kirshbaum's printing house, 1896. 140 p.
6. Zinovev V. P. *Industrialnye kadry staroy Sibiri* [Industrial workforce in Siberia of the old days]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2007. 258 p.
7. Ivanov A.A. Criminal exile and land settlement in Baikal territory in the XVII–XVIII centuries. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baikal'skiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava) (elektronnyy zhurnal) – Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law) (online journal)*, 2012, no. 6. Available at: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=16479> (in Russian).
8. Lamin V. A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri Publ., 2009. Vol. 3. 784 p.
9. Sush S. P. (ed.) Kuras L. V., Bazarov O. D., Zvyagin S. P., Petukhov E. A., Guseva T. O. *Istoriya penitentsiarnoy sistemy v Buryatii* [The history of the penal system in Buryatia]. Ulan-Ude, NovaPrint Publ., 2006. 158 p.
10. Kabuzan V. M., Troitskiy S. I. The number and categories of Siberia's population in the first half of the XIX century. *Russkoe naselenie Pomorya i Sibiri (period feodalizma)* [Russian population in Pomorye and Siberia (the feudal period)]. Moscow, 1973. Pp. 261–277 (in Russian).
11. Kolesnikov A. D. *Russkoe naselenie Zapadnoy Sibiri v XVIII — nachale XIX vv.* [Russian population of West Siberia in the XVIII — early XIX centuries]. Omsk, East-Siberian Publishing House, 1973. 440 p.
12. Lyubavskiy M. K. *Obzor istorii russkoy kolonizatsii s drevneyshikh vremen i do XX v.* [An overview of the history of Russian colonization since the ancient times to the XX century]. Moscow, Moscow University Publ., 1996. 688 p.

13. Margolis A. D. *Tyurma i ssylka v imperatorskoy Rossii: issledovaniya i arkhivnye nakhodki* [Prison and exile in the Imperial Russia: studies and archive findings]. Moscow, Laterna Publ., Vita Publ., 1995. 208 p.

14. Ptitsyn V. *Tyurmy Prilenskogo kraya (Putevye nabroski)* [Prisons in Lena's territory (Travel notes)]. Severnyy vestnik – Northern Bulletin, 1889, no. 12, pp. 85–101 (in Russian).

15. *Rabochiy klass Sibiri v dooktyabrskiy period* [Working class in pre-revolution Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982. 470 p.

16. Salomon A. P. *Ssylka v Sibir. Ocherk ee istorii i sovremennogo polozheniya* [Exile to Siberia. An essay on its history and the contemporary status]. Saint Petersburg, Printing House of St. Petersburg Prison, 1900. 339 p.

17. Semevskiy V. I. *Rabochie na sibirskikh zolotykh promyslakh: istoricheskoe issledovanie* [Workers in Siberian gold mines: a historical study]. Saint Petersburg, Stasulevich's printing house, 1898. Vol. 2. 913 p.

18. Sysoev A. A. *Siberian society in the context of penal policy of Russian monarchy. Sibirskaya ssylka* [Siberian Exile] Irkutsk, Ottisk Publ., 2009. Vol. 5 (17), pp. 108–123 (in Russian).

19. Khrolenok S. F. *Zolotopromyshlennost Sibiri (1832–1917): istoriko-ekonomicheskii ocherk* [Gold mining industry in Siberia (1832–1917): an economic history essay]. Irkutsk, Irkutsk University Publ., 1990. 310 p.

Информация об авторе

Иванов Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор, кафедра политологии и истории, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, e-mail: ottisk@irmail.ru.

Author

Ivanov Aleksandr Aleksandrovich — Doctor habil. of Historical Sciences, Professor, Dep-t of Political Science and Russian History, Irkutsk State University, 1 Karl Marx st., 664003, Irkutsk, Russia, e-mail: ottisk@irmail.ru.